

Советский человек

Идеологема «советский человек» рассматривается как стержень утопического сознания в СССР.

Ключевые слова: коммунизм, социализм, сознание, утопия, субъект, идеология.

Андрей Воронин

доктор философских наук,
сотрудник ИФ РАН (Москва)

Хронология и топонимия наших праздников активно смещается вглубь «темной старины заветные преданья». Мы стали почти свидетелями крещения Руси в Крыму святым князем Владимиром. Мы буквально вовлечены в свержение татаро-монгольского ига. Дмитрий Донской — герой нашего сегодняшнего дня. Династия Романовых победно ставит ножку на парчовый ковер новой истории России. Мы с ребятами из гаража только что одолели Наполеона, дошли до Берлина и можем повторить. Правда, тут дед помогал. Спасибо. А вот то, что поближе, что произошло с нами самими, как-то не очень видно. Уж не потому ли, что давно не воевали, не было триумфальных блестящих побед над заклятым вражиной? Не знаю. Может быть. Но повод взгрустнуть над отечественной историей доставляют не только триумфы. Никак нельзя забыть о такой традиционной части нашей духовной культуры, как поминальные мероприятия. Вот у нас есть возможность помянуть добрым словом советского человека. Да что там мелочиться, помянуть целиком советский народ. Сколько он пожил, сколько ему было годков, — не так важно. Важно, что он был. И что его уже нету. Вот о нем и поговорим.

Эту идеологему принято пинать ногами, потому что кажется, что побои могут ее победить. Ну, это нам не привыкать. Насилие ведь тоже аргумент, а словесное насилие не хуже вооруженное, как мы имеем возможность убедиться. Нет аргументов — обзови «совком», наругай, облей презрением. Сарказм, правда, того же самого совкового уровня, но иного нам не дано, справляемся как умеем. Но не все так легко поддается насилию, особенно если речь идет о социокультурных феноменах.

Упростим немного схему рассуждений, надеюсь, от этого смысл не пострадает.

1. *Игры с историей.* Социалистическая революция собиралась «повернуть колесо истории», добиться долгожданного рая и победить зло в мировом «масштабе». Для этого надо было решить две задачи — изменить мир и изменить его восприятие в сознании людей. С первой задачей справиться не удавалось, по крайней мере, в нужном направлении, в сторону улучшения. А со второй — тоже не просто. Теории предметной деятельности как основы психического в человеке (человек, мол, действуя «по логике предмета», вырабатывает свою психику и свое сознание) были отвергнуты идеологией и следующей за ней практикой социалистического строительства: гвоздь можно было забить просто в деревяшку, а можно — в фундамент светлого здания всеобщего счастья. Разница велика. В первом случае — это поступок буржуазный, не направленный на коммунизм. Во втором — революционно-пролетарский, оправдывающий некоторые технологические погрешности.

2. Так вот, решение второй задачи — изменение восприятия и сознания — достигалось разработкой и внедрением утопического массового сознания. Первое условие для его повсеместного распространения — выдернуть почву из под ног практического бытового образа мысли. Покончить со здравым смыслом, с элементами рациональности, которые по необходимости были в него вписаны. С буржуазным и сословным строем мышления. Кровавые репрессии начала 20-х гг. имели, помимо хорошо известных и подробно описанных, еще один корень — они были направлены против старорежимного со-

знания, против ценностей, идеалов и норм, в которых не было места коммунизму и его предвестникам. Футуристический радикализм русского авангарда пришелся как нельзя более кстати — на первых порах становления нового человека коммунистического завтра — для оправдания акций против классической культуры. Потом он стал ненужным и дорого заплатил за свой профетический инфантилизм. Вопреки диалектическому материализму первыми были уничтожены «носители сознания», то есть первый залп целил в неправильное сознание, а не в несправедливое бытие. Архипелаг ГУЛАГ и массовые казни людей последовали за этим первым залпом, уже когда коммунизм стал идеологемой, от имени которой творились расправы с «врагами». Феномен «двоесмыслия» именно в массовом сознании возник значительно позже, уже после победы в войне в 1945 г., и то он продержался недолго. А для начала строительства социализма характерно как раз внедрение и господство унифицированного утопического сознания, бродящего на коммунистических дрожжах. Вот почему творческая интеллигенция, даже очень далекая от большевиков и коммунизма, почти полностью попала под «обаяние» нового человека и нового общества¹. И этому единственно правильному сознанию мир, жизнь, действительность покорялись безропотно, ему не было преград ни в море, ни на суше. Иллюзорное сознание, которое, казалось бы, должно плыть в параллельных мирах с бытием, колом входило в твердь социального тела. Щепки, правда, летели во все стороны. Но еще раз подчеркну: в играх с историей такого размаха и такого замаха щепок не просто не было жаль, нет. Эти щепки были жертвой священной борьбы, и чем они дороже обходились, тем немислимее было одуматься, остановиться, раскаться. «Локомотив истории» (тоже мифологема) жрал человечину — уже реальную.

3. *Утопическое сознание — как оно соприкасается с реальностью, с жизнью.* Во сне человек видит сны, и настолько яркие, что они заслоняют реальность — пока мы спим. То есть сон и бодрствование несовместны. А утопическое сознание и бодрствование очень даже совместны. Но странным образом — утопия конструирует реальность, в которой человек живет и действует. Гвоздь не так реален, как коммунизм.

Утопия лишает человека субъектности. И чувства того, что он — хозяин своей жизни, своих поступков, своего слова. И объективной позиции, а не просто чувства, — поскольку он не может иметь простых, адекватных средств общения с другими людьми. Люди общаются через посредство вымышленных, иллюзорных, виртуальных фантомов, и в этом общении сознание приобретает те самые превращенные формы, которые много лет интриговали марксистскую теорию сознания. В результате внешние, идеологические, политические, силовые и даже бытовые импульсы, направленные на человека, замыкаются на нем, не находя в коммуникации адекватных форм отражения и отторжения, ведь индивид — не производитель идеологии, а ее жертва². Он становится принципиально одиноким, социальным атомом, в буквальном смысле винтиком социальной мегамашины. «Товарищ жена» и прочие подобные речевые обороты четко фиксируют деперсонализацию отношений, в том числе — самых личных, интимных. Вот такой странный фокус показывает нам навязанное извне, мифологическое по сути «сознание», которое декларирует

¹ Русская эмиграция не могла простить левой западной интеллигенции любви к социалистической России. Но для значительной части художественной элиты Запаदा СССР был в 20-30 х.г. как раз приходеж в светлое коммунистическое завтра, и исторические издержки мало ее беспокоили.

² Об этом не только содержание романов А. Платонова, — об этом его язык.

всеобщность социальных связей, а на деле их уничтожает. Социум постепенно становится враждебен индивиду. Он ничего ему не дает, а только обещает дать. Разрыв между обиденной жизнью и обиденным сознанием, с одной стороны, и радужным сиянием мифологической картинки, имитирующей жизнь, — с другой стороны, начинает углубляться. Но не осмысливаться! — вот что интересно. Социум бесконечно обворовывает, обманывает, унижает и пригибает обывателя. Больше того, он его просто расстреливает — по мере проявления своих бредовых фантазий. Все пространство вокруг человека отравлено корыстью, насилием, ложью, чванством, холуйством, холопством быдла. Человек вынужденно окукливается. У людей складываются свои нехитрые, но надежные стратегии выживания — не высовывайся, не смотри начальству в глаза, не требуй ничего, а если что понадобится, стяни потихонечку. Растет пропасть между реальным и демонстративным поведением, в обществе нарастают фрустрация, отчуждение, фальшь. Заполнить эту пропасть пытается «духовный мир советского человека», сконструированный теоретиками научного коммунизма. Но, как метко заметил руководитель Левадацентра Л. Гудков³, реальная идентичность человека складывается в сугубо негативном модусе.

Бессубъектный человек сразу же становится объектом манипулирования, насилия, репрессии, эксплуатации. ГУЛАГ воспроизводил бессубъектность человека и в «хозяйственных» целях, и для выжигания из человека его достоинства, его самостоятельности и самости как таковой. В первую очередь — критического мышления. Иначе коммунизм было не построить — это было очень хорошо известно вождям страны.

Вот пример с выставки «Отоваренное счастье», которая развернута в МММ (Московский медиаарт музей). Собственно, вся выставка — сплошная иллюстрация сказанному, но обо всей выставке говорить здесь не место. Один из стержневых экспонатов — «Книга о вкусной и здоровой пище», или как ее называли в народе — Поваренная книга А. Микояна — это образец двойственного способа существования утопии. Картинки — это муляжи, это как витрина в ГУМе, а рецепты к ним — настоящие. Возьмите настоящий рецепт, и по нему вы сможете наладить себе сытую и красивую жизнь, все описано по шагам, вам остается только посолить и поперчить. Но красивая сытая жизнь не пришла в дома счастливых обладателей волшебной книги. Просто нет никакой возможности купить то, из чего состоят рецепты. То ли нет денег, то ли нет в продаже. Точно так же рецептура жизни правильная, если она намертво замкнута в поле утопического мышления. Поэтому железный занавес — это условие правдивости, жизненности и силы утопии. Бояться надо не просто НКВДэшника, или КГБэшника, — этого мало. Бояться надо своих собственных сомнений в правильности рецептуры, предложенной партией-правительством. То есть особой доблестью человек обладает тогда, когда он изжил все сомнения, когда он перестал мыслить критически-скептически. «Предан делу партии» — это на самом деле означало «предан идеологии партии». Слово и дело государевы не просто разошлись, они стали антагонистами.

Вот почему, кстати, уже на том самом повторе, который сегодня имеет вид фарса, так близко сошлись догмы религий с догмами государственно-патриотических установок, или партийно-криминальных понятий, что одно и то же. Неудивительно, что социальная кулинария предлагала несъедобное, но в обязательном порядке воспроизводила — столь же неумеренные, сколь нелепые — восторги творчеством поваров-руководителей. Вот отчего социализм был весь замешан на жири⁴.

4. На территории СССР проживали соседями больше двух сотен народов и народцев — это как считать, считали не по головам, а по политическим мотивам. Выселения, переселения, классовая борьба и прочие инструменты внутренней политики привели к созданию новой исторической общности — «советский народ». Доказательства были предъявлены самые веские — в хоккей всех несем как хотим, в футбол — когда получится. И еще фигурное катание. По всей стране изучаются два языка — свой, родной, и русский. Для русских ребятишек поблажка — учат только русский. Сведения о других языках — самые таинственные. Но так или иначе общезыковое пространство обозначено, создано и функционирует.

Межкультурный диалог в принципе возможен только в наднациональном пространстве — языковом, хозяйственном, правовом, бытовом. Все разговоры о межкультурном диалоге вне этого наднационального пространства — выдумки. Национальные культуры монадообразны, предустановленная гармония между ними была утрачена в связи с равноправием разных национальных богов и божеств. Старушка Европа мучительно переболела становление однациональных и одноконфессиональных государств и зажила сравнительно спокойно. Но у нас свой путь, не как у всех. Светский вариант идеи соборности приобрил конфигурации — сначала пролетарской, и затем — социалистической интернационализма. Понятно, что в основе лежала идея господства. Научное обоснование дружного движения народов к коммунизму обеспечивала новая научная дисциплина — научный коммунизм. Так «советский народ» приобрел не только онтологическую, но и гносеологическую реальность. И обе эти реальности были в высшей степени серьезны, и они надолго и прочно вошли в жизнь миллионов людей. Советских, несоветских, антисоветских — без различия, всех. Так или иначе.

5. Наднациональная социальная общность, в принципе, — это и есть мечта глобалистов, межкультурных коммунистаторов, соблазнительный тренд общности всего рода человеческого. Лозунг «соединенных штатов Европы» был похоронен под руинами двух мировых войн. А в Советской России, потом — в Советском союзе, а в странах социалистического содружества, и плюс сюда еще страны, освобождающиеся от колониального гнета в Африке, Азии, Америке, лозунг наднационального единства только цветет и расцветает. Тенденция, однако. Не забудьте еще идею всемирной победы коммунизма⁵. Коммунизм, по идее, — это рай без страшного суда. Интернационализм получил даже политико-организационную структуру — Коминтерн, с бюджетом, кадрами и боевыми отрядами по

³ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. ISBN 5-86793-300-8 — See more at: <http://www.nlobooks.ru/node/598#sthash.20K8TiMc.dpuf>

⁴ Вот цитата из учебника по психологии Б. Теплова (Б.М. Теплов | Психология. Учебник для средней школы Учпедгиздат, 1953): «Общие жизненные интересы, объединяющие всех трудящихся Советского государства, неизмеримо важнее, значительнее, чем интересы отдельных социальных групп. Борьба за прочный мир во всём мире, строительство коммунизма в нашей стране составляют смысл жизни всех советских людей. Единое мировоззрение — коммунистическое мировоззрение, мировоззрение великой партии Ленина — Сталина — объединяет весь советский народ. Великая Отечественная война показала монолитное единство всего советского народа, руководимого коммунистической партией и великим вождём народов товарищем Сталиным. Это же единство лежит в основе тех трудовых подвигов, которые совершают советские люди на всех участках работы в годы послевоенной сталинской пятилетки. ... Не следует, однако, упускать из вида, что в характере человека наряду с чертами общими, типичными для всех представителей общественно-исторической группы, имеются и черты индивидуальные, отличающие каждого данного человека от других представителей той же группы. Это особенно важно подчеркнуть, изучая характеры советских людей. При социалистическом строе впервые в истории человечества создаются условия для подлинно всестороннего развития личности. А это значит, что при социалистическом строе создаются наиболее благоприятные условия и для развёртывания всего бесконечного многообразия индивидуальных характеров людей.

Единство мировоззрения не исключает разнообразия характеров. Оно исключает лишь определённые черты характера, стоящие в противоречии с принципами этого мировоззрения. Так, например, трусость, лень, безответственность стоят в противоречии с нашим мировоззрением и поэтому несовместимы с обликом передового советского человека. Итак, при изучении характеров советских людей следует руководствоваться следующими двумя положениями: 1) Имеются черты характера, общие для всех передовых советских людей и отражающие общность их жизненных интересов и мировоззрения. 2) Наличие этих общих черт характера не исключает бесконечного разнообразия индивидуальных характеров».

всему миру. Так что все сходилось — на бумаге.

Интеграция за счет насилия означает подавление и вертикальный контроль. Интеграция за счет компромисса — взаимный учет интересов, контроль не вертикальный, а горизонтальный. Казалось бы, какая разница? Ведь результат — интеграция. А вот и оказалось, что разница гигантская. Именно здесь и зарыта собака. «Как» оказывается важнее, чем «что». Здесь разошлись два русла всемирной истории. Одна наследовала от «исторической традиции» геополитическое видение мира, в котором человек был расходным материалом высших интересов власти. А они, в свою очередь, были основаны на произволе, и не допускали никого разумного, рационального, аргументированного обоснования. Фельдфебель в Вольтерах — очень точная формула. Баланс выживания строится здесь на эксплуатации ресурсов, прежде всего — человеческих. Никаких прав, кроме верноподданничества, властью не признается. Понятно, что амбиции власти периодически губят социумы, в которых воспроизводство ресурсов за ними не поспевает.

Другой вариант глобализации развивался в «другом мире», и ее основой были капитализм, финансы, массовое производство и английский язык. К ним примкнула вскоре компьютерная революция. Ещё европейское Просвещение поставило вопрос о суверенитете народа и подложило под его решение два века философской, правовой, моральной мысли. Не случайно, что самые вкусные булочки, самые лучшие автомобили и самые надежные лекарства — именно в тех странах, где жили великие философы. Компромисс как основа жизни европейской цивилизации как раз базируется на рации, на аргументации, на диалоге. **Демократия — это система легитимных ограничений произвола.** Горизонтальные социальные связи между субъектами социального действия выстроили всю иерархию государственной культуры, диверсифицировав власть в демократическом разделении властей. Человек, (индивид), принимая доктрину общественного договора, доверял суверенитет обществу, в котором устанавливались определенные, но неизменные правила. Заботы о безопасности, справедливости, здоровье, своих правах как граждан и людей сообщества, и многие другие — он(а) перепоручали специально обученным людям — социальным институтам, которые приняли на себя клятвенные обязательства выполнять порученные дела на благо своим избирателям.

Пространство между гражданином и социумом складывалось как пространство гражданских прав. Их обслуживали профессиональные службы, под бдительным контролем гражданских сообществ, прессы, судов и кодексов чести, то есть морали. Люди, которые работали в этих службах, посвящали свою деятельность святости своих обязательств. Пространство между индивидом и социумом плотно заполнено взаимными соглашениями, принятыми как нормы — конвенциями. Чем больше, чем полнее и плотнее заполнено это пространство, тем гарантированнее профессионально исполненная и законодательно — а стало быть и судебно обеспеченная — защищенная жизнь индивида. В определенные отрезки времени эта защита лишает человека естественных качеств сопротивления, самости, каприза, личности, уникальности. Наступает кризис индивида, человека, его самости. Она стремится к обретению себя — за счет разрушения частного пространства, имитирующего инвалидность гражданина.

6. Одно время оба варианта глобализации балансировали 50% на 50%, но потом наш вариант рухнул. Он был привлекательнее по культурному содержанию, подпирался согласованной поддержкой почти трети населения планеты, он был жизнеспособнее и громче. Беда в том, что его певцом был Кобзон.

Он стал пошлым, плоским и противным конечно не только

из-за Кобзона. СССР последовательно и неуклонно уничтожал свой культурный и интеллектуальный потенциал. Страшный суд был, а рая не было. Остались только подневольные или фальшивые голоса, а то, что было как-то еще живо, перешло в подполье. Идеал нового человека стал блекнуть еще в 30-е годы, именно в него всадил пулю Маяковский, а в 70-х он стал просто смешным. Некому было его наполнить хоть каким-то позитивным содержанием, связанным с философией ненасилия.

Сознание перестало отражать бытие — в этом было первое опровержение марксизма в стране, скроенной по лекалам марксизма. Утопия превратилась из оправдания бытия в камуфляж бытия. Расстрельные залпы гремели в такт веселым маршам Дунаевского. Начиная с гражданки сознание людей пережило столько смертельных ударов, что оправиться могло только за счет парадоксальной перекройки: сознание не отражает, а компенсирует бытие. Жить ужасно, а думать, что живется хорошо — стало привычкой. Не верить в псевдореальность было запрещено. Кричать за миг до выстрела в дуло винтовки «Да здравствует Сталин!» считалось правильным. Свято хранить верность палачам, уводящим мужчин в подвал, а женщин — в лагерное рабство, — считалось доблестью. Делать карьеру, венцом которой была «стенка» — считалось обязанностью.

7. Истина была записана «по ведомству» руководства, вооруженного научной теорией построения коммунизма. Критерий истины был написан в газете «Правда». Наука была неотличима от идеологии, просвещение — от пропаганды, воспитание — от «формирования». Сомнение было грехом. Вера стала требованием времени. Объединяющим людей началом стала ненависть к врагу. Чтобы далеко не ходить, врага нашли рядом — в соседней комнате. Бдительным органам надо было помочь его уничтожить — во имя и во благо светлого будущего. Одобрение и поддержка — неважно, чего именно, начальству виднее — стали моральным долгом. Сознание раздвоилось — личное, приватное сознание помогало добыть кусок еды, согреть жильё, приспособиться к кроваждному режиму жизни. Над ним, не касаясь будней и паря в публичных сферах, клубился пласт «общественного сознания», слепого теоретиками и идеологами нового общества и заботливо вправленного в буйные головы соотечественников. Вот в нем и обретался «советский человек» как нормативный образец, которому предписано следовать. Он не имел национальных, половых, возрастных, классовых признаков, он был чистой и незамутненной идеологемой святости нового склада — сверхчеловека коммунистического завтра. И он обнаруживался не в повседневности, а в «общественной жизни» — в специально созданном пространстве социально-политического контроля над поведением и мыслями каждого подданного государства. Эта амбивалентность позволяла человеку, прилюдно рубящему лозунги о врагах и Родине, воровать, врать, подличать, ... — и не испытывать душевного дискомфорта.

8. Мобилизационная стратегия. Коммунизм, враги со всех сторон, мировая революция, индустриализация и коллективизация, войны, подъем с колен — все это требовало мобилизационного, военно-коммунистического образа жизни. Хорошо еще, что не было поставлено задач овладеть космической ойкуменой, как пророчествовали русские космисты. Но если завтра в поход, то сегодня уже надо быть готовым к походу — нет, не куда-то там, берег турецкий нам не нужен, Африка тоже. Нам нужен уже не человек-винтик, а человек — патрон в обойме. Нам нужен военный лагерь, нам нужны казармы, дисциплина, военные трибуналы и исполнительные не рассуждающие палачи. И что вы думаете? Потомков палачей осталось в живых больше, чем потомков жертв репрессий. Хотя и их снимали пластами, этих палачей — но семя не засохло. Оно дало

⁵ «Советский патриотизм — патриотизм нового, высшего типа. «Для советских патриотов Родина и коммунизм соединены в одно нераздельное целое» (Молотов). Советские люди видят в своей родине страну победившего социализма, страну, осуществляющую переход к коммунизму, страну, являющуюся маяком для всего прогрессивного человечества. Борьба за коммунизм неотделима для советских людей от борьбы за интересы своей социалистической родины.» — Б. Теплов, цит. Соч.

всходы, а всходы дали плоды.

9. Разрыв, пропасть, о которой мы говорили чуть раньше, засыпалась толстым слоем социалистической культуры — интернациональной по содержанию, и национальной по форме. Это делала прослойка интеллигенции, если кто забыл. Прослойка. Это была особая интеллигенция, согласная на роль прослойки, если не сказать — прокладки. Вс. Кочетов и Ко. Но поскольку умные были уничтожены, а глупые ни на что не способны, засыпалась некачественно. Партикулярная, частная жизнь советского человека, едва теплившаяся под буйными вихрями социалистического сознания, стала робко обживать смежные пространства — художественной культуры, переводов с иностранного, крамольных разговоров под сигаретку и сайру с черняшкой. «Кухонная культура», над которой иронизируют молодые интеллектуалы, привела к серьезному сдвигу в «общественном сознании» — был уволен внутренний цензор и страх перед своим мышлением, словом и коммуникацией. Все усилия власти — запретить печатающие машинки, копии «Эра», импортную офисную технику, вводить новые циркуляры Главлиту, бороться с подпольными выставками картин, — все это было похоронено кухонной культурой полупьяных разговоров, вполголоса, в присутствии проверенных и верных товарищей... — почти маёвки начала 20 века. Так вот результатом этой культуры стала возможность вернуться — самым смелым

— к полноте своего гражданского самочувствия. Возникло диссидентское движение. И кто мне скажет, что это были не советские люди? Но уже совсем другой генетической формации.

10. «Советский человек» — оказался исторически неудачной идеологической конструкцией, которая слабо соотносилась с реальностью, и поэтому она не смогла полностью испортить естественные и продуктивные формы социальных связей, которые прорастали сквозь асфальт госидеологии. Но эта конструкция несла в себе заряд позитивного мироощущения, фундамент которого не был врыт в землю, а свисал с идеологических небес. На святопартийных скрижалях был записан новый моральный кодекс — за все хорошее и против всего плохого. Самыми добродетельными были самые младшие — мальчиш Кибальчиш был герой, Тимур и его команда были молодцы, Павка Корчагин был просто позитивный пример, а народец постарше уже имел посторонние примеси в своем образе. Правда, даже это не спасало детей от расстрелов по приговору судов. Но то в жизни. А в песне — вольно дышащий человек прохаживается как хозяин по необъятной Родине своей. Ностальгия по советскому прошлому — это плач по неудавшемуся проекту счастливого будущего, плечу по утраченной молодости человечества, принесенной в жертву идеологической химере. И это невозможность признать свою ошибку, свою вину. То есть — покаяться.

⁶ Продолжу выписки из учебника по психологии (!), не имеющие прямого отношения к моральному кодексу строителя коммунизма. Но не могу удержаться, чтобы не попросить читателя — не пропустите ни строчки! Речь идет о качествах советского человека: «...1) Идеинная направленность и целеустремленность. Нет ничего более чуждого психологии советского человека, как безыдейность и сознание бесцельности своего существования, своей деятельности.

2) Советский патриотизм. «Патриотизм, — говорил Ленин, — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств». И в прошлом народы СССР выдвинули немало замечательных патриотов, отдававших свои силы интересам родины, борющихся со всякого рода угнетателями и поработителями своего народа. Советский патриотизм — патриотизм нового, высшего типа. «Для советских патриотов Родина и коммунизм соединены в одно нераздельное целое» (Молотов). ...«Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью» (Сталин).

Любовь к родине у советских людей имеет активный, действенный характер. Это горячая, страстная любовь, не останавливающаяся ни перед какими жертвами, если они требуются интересами родины. Это любовь, неразрывно связанная со столь же страстной ненавистью ко всем врагам родины, любовь, не знающая пощады к врагам. Советский патриотизм включает в себя беззаветную преданность коммунистической партии, ведущей народы нашей страны к коммунизму, руководящей всей грандиозной работой по строительству нового, социалистического общества. Советский патриотизм неотделим от безграничной любви, уважения и преданности к великому вождю народов товарищу Сталину, которые живут в сердцах всех советских граждан. «За родину, за Сталина!» — с этими словами шли в бой сотни тысяч героев, покрывших себя бессмертной славой в годы Великой Отечественной войны.

3) Коллективизм. В советском обществе не может быть личности вне коллектива. Советский человек не может ставить перед собой жизненно важные цели, которые противопоставлялись бы целям коллектива, советский человек не рассматривает свою личную судьбу, свой личный успех оторвано от судьбы коллектива, от успеха общего, коллективного дела. Сознание своей неразрывной связи с тем коллективом, членом которого данный человек является, а в конечном счёте и со всем советским народом, сознание того, что общие интересы, интересы коллектива, стоят выше узко личных интересов, — составляет основу коллективизма советских людей.

4) Социалистический гуманизм. Коллективизм советских людей неразрывно связан с гуманистическим, человеческим отношением к людям, заботой о людях, любовью к детям, что и составляет сущность социалистического гуманизма. Идеал гуманного отношения к человеку советские люди видят в товарище Сталине. «Сталинской заботой о людях» мы называем чуткое, бережное, заботливое отношение к каждому человеку, строителю социалистического общества.

5). Для советских людей труд является главным делом их жизни, основной формой проявления личности, центром важнейших интересов, источником величайших радостей. Для советских людей нет разрыва между трудовой деятельностью и личной жизнью; наоборот, трудовая деятельность и составляет основное содержание личной жизни человека.

6) Сознание долга и ответственности. Высокая идейность и принципиальность, отличающие передового советского человека, предполагают и высоко развитое сознание долга, чувство долга. А сознание своего гражданского долга, долга перед родиной, перед партией, перед коллективом лежит в основе ответственного отношения человека к порученному ему делу, к своим обязанностям, ко всем своим действиям и поступкам. Советскому человеку свойственно чувство ответственности не только за свою личную работу и за свои поступки, но и за работу других, за их поведение. Отсюда вытекает большая требовательность к себе и к другим.

7) Готовность к преодолению трудностей. Важнейшее значение в характере имеют волевые качества личности, а воля, как мы знаем, выражается в преодолении трудностей. Нередко волю называют «хребтом характера». «Хребтом характера» можно, следовательно, назвать и способность к преодолению трудностей.

8) Мужество. Мужество — сложная черта характера, включающая в себя храбрость, отвагу при непосредственном столкновении с опасностью, готовность, не останавливаясь ни перед чем, вести борьбу за великую идею коммунизма, стойкость, выдержку, самообладание. В своём выступлении по радио 3 июля 1941 года товарищ Сталин сказал: «Великий Ленин, создавший наше Государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины».

9) Инициативность. Творческое отношение к труду, готовность к преодолению трудностей требуют в качестве необходимого условия инициативности. Инициативный человек не ждёт «подсказки» со стороны; он способен к личному почину, не боится творческого риска. Инициативность советских людей неразрывно связана с творческой энергией, способностью дерзать, с тем «чувством нового», без которого невозможен передовой деятель социалистического общества. Новаторство наших рабочих-стакановцев, передовых колхозников, наших деятелей науки, техники и искусства говорит о том, что инициативность является отличительной чертой духовного облика советского человека.

10) Скромность. Такие черты характера советских людей, как идейность, коллективизм, высокая требовательность к себе, стоят в противоречии с чрезмерно высокой оценкой своей личности, стремлением выдвигать на первый план свои личные заслуги, со всякого рода самолюбием и заносчивостью. Скромность — одна из типичных черт характера советского человека.

11) Бодрость, уверенность в своих силах, оптимизм. Духовный облик советских людей пронизан бодростью и оптимизмом. Источником их являются грандиозные успехи нашей родины на всех участках социалистического строительства и глубокая уверенность в победе коммунизма. А уверенность в правоте идеи, в правоте своего дела рождает и уверенность в своих силах. Современная буржуазная культура нас сквозь пронизана упадочничеством и пессимизмом. «Чувство обречённости — чувство, понятное для общественного сознания вымирающей группы» (Жданов). В противоположность этому в советской культуре торжествует радость жизни, оптимизм. Нет такого тяжёлого положения, нет такого несчастья, которое могло бы победить великую любовь к жизни, отличающую борцов за лучшее будущее человечества...